

М. В. Соколовская

Марина Валентиновна Соколовская (Екатеринбург, Россия) — главный библиотекарь Культурного центра Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского; Email: smvb@yandex.ru

ДОМ КАК ФУТЛЯР. ОБРАЗЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ДОМАХ СВЕРДЛОВСКА

В тексте рассматриваются репрезентации «нового быта» в построенных в Свердловске (Екатеринбурге) в 1930-х годах домах: в одном из выпусков киножурнала «На страже СССР» (1933), в романе «Весталка» Николая Никонова (1980-е) и обсуждении в 1929–1930 годах строительства спроектированного Моисеем Гинзбургом, Александром Пастернаком и Сергеем Прохоровым комплекса домов на Малышева, 21. Жестко очерченные социальные роли и социальное неравенство стали маркерами жизни в конструктивистских домах, а образы «нового быта» обернулись тоской по бытовой устроенности.

Ключевые слова: архитектура конструктивизма, повседневная жизнь, социальные отношения, 1930-е – 1980-е

M.V. Sokolovskaya

Marina Sokolovskaya (Yekaterinburg, Russia) – Senior Librarian at the Cultural Centre of Sverdlovsk Regional Scientific Library; Email: smvb@yandex.ru

A HOUSE AS A CASE: EVERYDAY LIFE IMAGES IN CONSTRUCTIVIST HOUSES OF SVERDLOVSK

The text focuses on the representation of the "new life" idea in the houses built in the 1930s in Sverdlovsk. The author analyzes the newsreel "On Guard of USSR" (1933), the novel by Nikolay Nikonov "The Vestal" (1980s) and the debates of 1929-1930 devoted to the construction of the housing complex on Malysheva 21 designed by Moisey Ginzburg, Alexander Pasternak and Sergey Prokhorov. Rigorously defined social roles and social inequality had become the markers of life in constructivist buildings whereas the images of the "new life" had turned into a longing for household well-being.

Keywords: the architecture of constructivism, everyday life, social relationships, 1930s – 1980s

Несколько лет назад, рассматривая во время прогулки среди особняков в стиле модерн функционалистские жилые дома, построенные в Польше в 1930-е годы, я сравнивала их с жилыми комплексами Свердловска (ныне Екатеринбурга) того же времени. Основным переживаемым различием было социальное измерение свердловской конструктивистской архи-

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

тектуры. Одна архитектурная традиция предлагала пластические ценности и рационализм современной жизни, другая — убежденность в том, что в комфортных домах строгих форм люди не только будут жить счастливее, но будут вместе меняться к лучшему и образовывать новое общество. Однако какими бы жаркими и острыми не были споры об архитектуре, какой бы силой не обладало представление об архитектуре как инструменте новой антропологии и социальной революции, внимания заслуживают практики обживания. Об них разбиваются надежды на новый лучший порядок, которые все еще можно вычитывать из форм самой архитектуры. Как на разных уровнях советского общества мыслилась повседневная жизнь, протекавшая в построенных и заселенных конструктивистских домах? Рассмотрение разновременных примеров рассказа о жизни внутри домов новой архитектуры в одном городе, будь то кинохроника или роман, помогает даже не столько реконструировать быт и узнать о степени приближения протекавшей там жизни к идее нового быта или о нереализованности потенциала новой архитектуры, сколько задаться вопросом, транслировала ли культура какие-то ясные примеры нового быта как инструмента новой антропологии за пределами архитектурных форм.

1.

Киножурнал «На страже СССР» №11/23 за 1933 год производства «Союзкинохроники»¹ сохранил картины повседневной жизни в новом доме — жилкомбинате начальственного состава РККА, как сообщает хроника, «построенного рабочими Свердловска к XVI годовщине Октября». Кадры с общим видом дома и игрой в волейбол в просторном дворе сменяются сценами обеда в столовой и игры в шахматы в некоем общем помещении. В скупых архитектурных декорациях сослуживцы обедают вместе со своими семьями. Белая скатерть, горшок с цветком на столе, изобилие хлеба, улыбчивая официантка на страже, чугунная скульптура, большая картина в раме, тропическое растение в кадке — так выглядит вещный мир советского коллектива.

¹ Российский государственный архив кинофотодокументов в Красногорске. Учетный номер 2592.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Оператор заглядывает и в отдельное жилище, показывая нам быт и будничную жизнь «командира ударника т. Лаптева». Вот мы видим его крупным планом в военной форме на фоне цветастого коврика (или куска ткани), видим, как он чистит барабан своего револьвера. Камера отъезжает: справа отец семейства заботится о своем боевом оружии, слева мать семейства стягивает с радостного ребенка одежду, чтобы уложить его спать. Разобранный револьвер вращается в руках товарища Лаптева, ребенок вертится на кровати, мать выворачивает и складывает детскую одежду — разыгранная для зрителей киножурнала повседневная жизнь семьи в их частном пространстве предстает чередой мелких действий подготовки к жизни коллективной. Клеенка и газета на столе, ткани и коврики, прикрывающие участки стены у кроватей, тюлевая занавеска, наружная проводка, фестоны простыни, кукла, некая картина (портрет Ленина, икона?) на стене, женщина, ходящая по дому в сапогах, — цепляешься за эти и другие детали под впечатлением от того, насколько репрезентация счастливой жизни в новом доме связана и поставлена в зависимость от традиционных ролей в семье и профессиональных занятий. Ребёнок подтверждает свою непоседливость, мать — заботливость. Потенциальное насилие воспринимается как будничное, поскольку военный человек в хронике остается всегда при форме, выправке и оружии, и дом оказывается продолжением его работы. Коврик как задник превращает сцену в эмблематичный образ семейного уклада с заданными раз и навсегда социальными предназначениями.

Конструктивистские формы ведомственного дома и статус жилкомбината могут обещать «новый быт» как эффект новой архитектуры и новых социальных практик, но эта новизна оказывается веществом закрепощенности человека.

Свердловск и во время первых пятилеток, и много позже был городом, застроенным одно- и двухэтажными домами. Рабочий из Надеждинска Борис Луканин, посетив летом 1927 года Свердловск, обратил внимание на общественные сооружения в формах современной архитектуры, но сохранил такие впечатления от района Верх-Исетского завода: «Все здесь поражает древностью. Кажется ходишь еще век тому назад»². Борис Бычков, вспоминая город 1940–50-х годов, пишет: «Из окон нашей квартиры, а они выходили на три стороны света, кроме севера, открывался вид на весь город: на юге можно было рассмотреть, как взлетают самолёты с Уктусского аэродрома (теперь — Ботанический район), на западе в лучах заходящего солнца блестела гладь Верх-Исетского пруда. Город "низкорослый", одно-двухэтажный и можно было в театральный бинокль рассмотреть каждое здание»³. Застройка в 5–7 этажей, за-

2 Государственный архив Свердловской области. Р2771. Оп. 1. Д. 4. Сохранена пунктуация автора.

3 Текст воспоминаний храниться в личном архиве Б. М. Бычкова.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

планированная для центральной части Свердловска в 1930-е, сегодня воспринимается как ряд каменных башен, в которых протекала показательная жизнь. Домашний уклад в старых домах без водопровода, канализации, центрального отопления и газа, но с садиками и хозяйством, с одной стороны, и большая степень комфорта в новых домах, с другой, поддерживали иллюзию нового быта как нового социального порядка в городе, обретавшем современную городскую застройку⁴. Город еще только становился городом, «новым городом», как говорили тогда.

Командир Лаптев, получив «рабочий подарок» — место в доме современной архитектуры, в доме с элементами обобщественного быта, место в мире нового — в силу принадлежности к военным являлся идеальным носителем этого предполагаемого нового социального порядка: спаянность военного коллектива является важной частью подготовленности к боевым действиям. Одновременно это коллектив, пронизанный иерархическими отношениями: реальная практика взаимодействия в армии поддерживает неравенство внутри коллектива.

«Совкиножурнал» № 76\255 за 1929 год⁵ представлял сцены «изъятия мощей святого Симеона Верхотурского в Екатерининском соборе в присутствии духовенства» и сообщал — в титрах, — что «комиссией при обходе собора было обнаружено, что площадь используется не по назначению». Нецелевое использование храмового пространства той поры — это развешанное на натянутых в церкви веревках белье настоятеля. Простыни и кальсоны на фоне икон обозначают яркий образ быта старого.

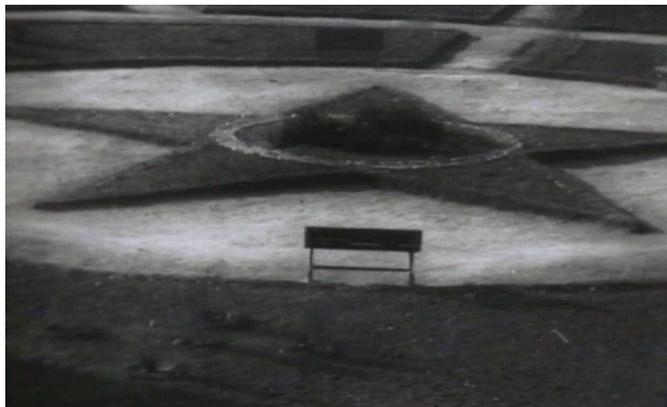
Порядку социальных ролей противопоставлено своеволие, и вершится оно как нарушение функции пространства и архитектурного порядка. Хотя ты как зритель ждешь, что кинохроника той поры сохранит образы равенства, она настойчиво предлагает образы порядка как идеальные образцы. В хронике с семьей Лаптева этот эффект подчинения человека роли усилен рамкой киножурнала. Посмотрев на быт семьи, зритель читает слова Сталина: «У нас

4 В начале в новых домах также стояли печи для приготовления пищи, например, в спроектированном М. Гинзбургом с коллегами комплексе, о котором речь пойдет дальше. По словам Е. Т. (интервью записано в 2013 году), «помимо печи люди пользовались самоваром, и для самовара была специальная в стену люк. Он и сейчас он на месте стоит, лючок такой, и такая дырочка вентиляционная, туда трубу самовара засовываешь». Е. С. вспоминала, как жила в районе старой частной застройки в центре Свердловска и ходила в 1940-е годы в гости к одноклассникам, жившим в домах Госпромурала: «У нас часть девочек была из на Ленина, 52-54. Это был другой район города, более благоустроенный, удобный для жизни. <...> Воспользуешься теплым туалетом и ручки помоешь теплой водой».

5 Российский государственный архив кинофотодокументов в Красногорске. Учетный номер 2095.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

армию любят, ее уважают о ней заботятся»⁶, — а камера предлагает ему зрелище жилкомбината, площадь перед которым занимает сквер с клумбой в форме звезды и одинокой скамейкой.

Камера приближает к зрителю эту скамейку, и ты вспоминаешь другие скамейки: в Горках, оставленную Лениным, в Михайловском, напоминающую о Пушкине. Их образы воспроизводились в кино и на открытках. Как пустая трибуна перед знаком Красной армии и кустом в центре клумбы-звезды, она оставляет зрителя один на один в странных интимно-публичных отношениях с символической реальностью идеологии. Новое оказывается явленным как потенциальное, но неизбежное: ты можешь, если решишься, занять пустующую скамейку и наблюдать за его ростками. Но новое можно разглядеть только изнутри заданного и принятого наблюдателем порядка, подстановкой себя в зрителя распланированного садовником.

Кое-что объединяет храм из хроники 1929 года и комнату из хроники 1933 года. В более или менее общих планах глаз цепляется за «белые», пустые стены и промежутки. Роскошь окладов и узоры украшающего и утепляющего жилище текстиля видятся поверх некоего скудного пространства. Сегодня хроника не дает возможности почувствовать разницу пространств церкви и дома, дореволюционного и советского как разницу наполненного, освоенного и аскетичного, ограничивающего. И там, и там — как если бы все это было продуктом одной эпохи — видишь бедность среды. Кажется, никогда эти стены при этом порядке не заполнятся вещами, разнообразными и в то же время не случайными. Доступная хроника не знает искусства интерьера: внутренне пространство собирается из ряда типичных предметов, как мобильная декорация. Новый быт, как и старый быт, разворачиваются перед зрителем хроники в пространстве без искусства и архитектуры. Ленточные окна, плоская крыша и изящные балконы дома красноармейцев являются только лишь элементами фасада, усвоенной привычкой проектирования домов в то время, но проникают ли новая архитектура и производство новых вещей в быт, определяют ли его?

2.

Ле Корбюзье предполагал, что можно прийти «через человеческое жилище ... к новому социальному балансу» [2, с. 203]. Видя множество примеров того, как объемно-планировочные решения определяют практики поведения человека в пространстве и функционирование общественных институтов в целом, раздумывая о новой архитектуре Свердловска в годы пер-

⁶ Сохранена орфография титров.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

вых пятилеток, ожидаешь, что новые планировки и бытовой комфорт будут инструментами и новых практик, и нового самоощущения. Но переживание пространства оказывается итогом не только архитектурных решений. Зритель хроники не может увидеть скрытых от посторонних отношений и поведенческих привычек в семье командира Лаптева, но в поисках того самого дома из хроники может оказаться в Екатеринбурге перед домом по адресу Куйбышева, 48, корпус 2. Вероятно, именно этот дом был снят для киножурнала. Теперь ленточного остекления лестничных клеток нет, а прутья балконов закрыты листами металла или фанеры. Строгость форм давно нарушена разнотипным остеклением балконов, разными оконными рамами, решетками, новыми козырьками над входами и сводчатым козырьком расположенных в нижнем полуподвальном этаже мастерских и магазинов. Более того, хотя декоративное решение некоторых фасадов ближайших домов послевоенной постройки (переплеты верхнего ряда окон лестничных пролетов в виде звезды) хранит память о том, что тут располагался «военный городок», квартал утратил ведомственный статус.

Практики освоения пространства жильцами не совпали с заданными архитектором и заказчиком, как и формы архитектуры не сохранили своего первоначального вида, хотя, казалось бы, куда уж больше упрощать фасад. Несовпадение интенции и истории в случае с конструктивистскими домами значит больше, чем изменение функции национализированных особняков. Превращение особняков в больницы, музеи, учреждения, коммунальные квартиры тоже формировало новый быт, в том числе перераспределением вещей и новым отношением к наследию, расширяя рамки коллективности до масштабов города. Но невозможность освоить пространство современных домов в соответствии с заданными архитектурой правилами, продолжить его новыми интерьерами задает иной вектор движения: во-первых, изнутри новой архитектуры к «старому быту», во-вторых, от ожидаемой коллективности настигнувшей жителей коммунальности.

Этот «старый быт» не быт прежний, а именно хаос старого «купеческого», «грязного» города — таким описывался дореволюционный Екатеринбург, быт, новизна или убогость которого определяются внутри дискурсивной практики. Быт скученности, непорядка, переизбытка хлама. В таком пространстве вещи легко превращаются в ненужный скарб про запас на балконе.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Ярким наблюдением за трансформацией домов современной архитектуры являются пассажи романа Николая Никонова «Весталка», написанного в 1980-е годы. Героиня романа Лидия Одинцова в 1953 году получает комнату в одном из домов Госпромурала на Ленина, 52 (Свердловск). Хотя переезд воспринимается как перемена к лучшему, «к счастью», «благоустроенная квартира» в «фешенебельном районе» не понравилась: «Не понравились ни двор, заваленный хламом, складскими ящиками, ни дом, в подъезд которого мы зашли, — тут пахло тем же плесневелым тленом, как в моем подвале, воняло кошками, в решетчатой башне-клетке стоял мертвый лифт. <...> Заветная комната! Все здесь было противно с первых дней – табачный дух, суета соседей сбоку, снизу, унылый двор с протаявшим мусором, горами ящиков, железная труба кочегарки на проволоках-растяжках, пачкающая небо жидким масляным чадом. Безгласная тоска крыш, где не чудилось даже ни добрых, ни злых духов, а перелетали громко орущие вороны и редкие грязные голуби. Единственная отрада в окне — вершина тополя» [3, с. 378 – 380].

Николай Никонов, описывая занимающий большой квартал жилой комплекс в восприятии своей героини, обращает внимание на его местоположение (на главной улице, в центре), эпоху строительства (первые годы пятилетки), градостроительное значение («зачатки нынешних микро- и макрорайонов»), культурно-социальное измерение архитектуры. Это измерение включает и память о проектировавшейся «новой жизни с «фабриками-кухнями», общими столовыми и взаимоотношениями брызжущей веселым добром коммуны, как она представлялась и виделась всем до войны» [3, с. 375] и память о социальном статусе первых жильцов. Благоустроенные дома первой пятилетки теперь ветшали, квартиры инженеров превратились в коммуналки. Навязчивое общее место в представлениях о «новом быте» — отсутствие кухонь — дополняется воспоминанием о высоком статусе первых жильцов. Этот мотив «потери лица», заселения конструктивистских домов людьми разного социального статуса очень важен в рассказах о послевоенной и нынешней жизни таких комплексов: он фиксирует не только уход тех, кто мог бы рассказать историю жизни домов нового быта в их начальную пору, но и то, насколько жизнь этих домов связана с сохраняющимся даже в бедности социальным неравенством, в описываемую в романе пору принявшем формы культурного неравенства и, более того, некоего биологического разлада⁷. Из этой архитектуры можно вырваться только в мир природы: тополь в окне можно прочесть как желание деурбанизации, символ провалившейся попытки построить новый город.

Для Лидии Одинцовой важны определенные характеристики комплекса, Николай Никонов фиксирует общие места восприятия таких домов: это жилье благоустроенное (здесь есть отопление, горячая вода, канализация) и коммунальное. Коммунальность является как итогом практики заселения (нехватка жилья в стремительно растущем городе, увеличившаяся особенно во время войны), так и качеством, заданным строительной технологией. Стены в этих домах настолько проницаемы для звуков, что ты не можешь в своем частном пространстве остаться один, все время реагируешь на жизнь соседей.

История домов, возвышавшихся когда-то над массовой застройкой, образцовых башен для избранных, пришла к тому, что эти дома стали жильем для всех. Одно неравенство сменилось иным: теперь в эти дома мог быть вселен кто угодно, произошло снижение статуса жильцов и статуса домов. Коммунальный характер заселения, формировавший реальный новый быт, отменил возможность нового быта, каким его видели строители комплекса. Посте-

7 Описывая корпус №1 и вообще весь комплекс домов на Малышева, 21, Е. Т. говорит: «... раньше это были общаги, а потом были жуткие квартирные сообщества...».

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

пенно коммунальность отменила благоустроенность, и дома Госпромурала стали образцово демонстрировать практики конфликта, напряженное существование людей друг с другом как следствие архитектурных и политических решений. Архитектура конструктивистских домов теперь воплощает установки коммунальности и снимает границы между людьми: звуковая проницаемость стен, отказ от иерархий оборачиваются отказом от вежливости, невозможностью добрососедства. Как пишет Илья Утехин в «Очерках коммунального быта»⁸, «всякий стремится извлечь из данного места максимум пользы, в пределах того сложного баланса потребностей, выгод и интересов, которые поддерживаются в квартире. Коннотации эстетического свойства гораздо менее актуальны» [4, с. 16].

Архитектура не диктует правил жизни, а сама трансформируется в пространство «коммунального ада», зону тревоги, переосмыляется. Коллективность трансформируется в коммунальность, и именно в формах коммунального быта оказывается возможным описать «новый быт». Одним из важнейших параметров и некоторой причиной «адской жизни» коммунальной квартиры в романе Николая Никонова рисуется неравенство людей: вместе вынуждены жить люди разные, с различными этическими ценностями, культурой жилья и соседства, и это различие мыслится как различие иерархическое и даже укорененное в природе некоторых людей. К идее общей коллективной жизни невозможно вернуться: одни в советском обществе достигают некоторых социальных высот, оставляют комфортные дома первых пятилеток и вселяются в новые современные дома; другие остаются на низовых ступенях социальной иерархии и вынуждены жить друг с другом.

3.

Когда Технический Совет при Уральском Областном Строительном Контроле 21 июня 1929 года обсуждал проект строительства акционерным обществом «Домгоспромурал» жилого комплекса на участке по Малышева, 21⁹, он отметил, что проект — «спешно составленный эскиз», без отопления, водоснабжения, канализации, а «повышение плотности усадебной застройки» с 20 кв. м до 6 кв. м на человека не приемлемо. Обсуждение архитектурного проекта включало требования более рациональной планировки и, как следствие, организации быта в будущем: необходимым признавалось наличие кладовок, антресолей, кухонных ящиков, приемык к столовым кухням, а не ванных комнат. Так, читая протокол, понимаешь, что организация повседневной жизни мыслилась сложно: никто не отменял ни столовых, ни кухонь, ни подсобных помещений. На совещании от 28 июня утверждают «необходимость обеспечения квартир нормальным количеством кухонь» и говорят об «архитектурных преимуществах» комплекса.

Протокол более раннего совещания при Уралоблсовнархозе 14 апреля 1929 года, на котором выступил представитель кооперативной строительной артели «Техбетон» Сергей Прохоров, сохранил запал поисков новой архитектуры: «Имея в виду, что данная постройка носит показательный характер, признать желательным и целесообразным оставить часть первого этажа общежития на отдельных открытых опорах, как дающих правильное и новое разрешение генерального плана, открывающих вид с главной улицы на весь жилой комплекс и с другой стороны, как средство агитации за техническую революцию и за новые методы конструк-

8 Надо заметить, пишет о коммунальных квартирах прежде всего в Ленинграде, где в коммунальные превращались большие квартиры старых доходных домов.

9 Все документы: Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-191. Оп. 1. Т. 2. №4076. Л. 1–17.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

тивного разрешения». Проект общежития признан отвечающим «требованиям нового быта». Участники совещания, а это руководители Уралобсовнархоза, инженеры Стройбюро, представители трестов, промыслового кооперативного товарищества «Техбетон», архитекторы, т. е. представители властей, заказчика, исполнителя и «эксперты по проекту дома» (представители архитектурно-инженерных кругов Свердловска), считают необходимым установить уборные и умывальные в каждой комнате, все помещения снабдить мебелью. В 4-комнатных квартирах других корпусов предложено увеличить размер кухонь до 7 кв. м, установить в кухнях оборудование и мебель. На крыше планируются столовая и читальня, а также «сад-терраса». На другой крыше — детский сад и площадка, в подвале — прачечная и сушилка. Рационализируется система хранения дров: вместо индивидуальных кладовых планируется общий склад.

Пока идут обсуждения спроектированного Моисеем Гинзбургом, Александром Пастернаком и инженером Сергеем Прохоровым комплекса, в город уже прибыли рабочие «Техбетона», начались работы. Рефреном совещаний, переговоров, рекомендаций звучит экономия стоимости строительства, и в 1930 году расходы решено сократить не только на сооружении более простой системы вентиляции в корпусах комплекса, но и отказом от уборных в F-ячейках первого корпуса общежития. Все уборные должны быть вынесены в торец здания (в концы коридоров). Так общее пространство коммунального быта вызывается не желанием построения нового общества и воспитанием нового человека, а экономическими причинами, стремлением удешевить в том числе и последующую эксплуатацию. На чертежах можно найти помещения столовой (включая кухню и гардероб), а на снимках построенного комплекса — забор со стороны улицы Малышева, уменьшивший проницаемость для взглядов образцовой новой архитектуры. На одном из снимков видно, как под опорами устроена сушилка. Как только туалетные кабинки передвигаются из индивидуальных жилых ячеек в концы коридора, дворовая территория перегораживается, функции пространств смещаются (одежду теперь сушат там, где человек должен был видеть образ новой архитектуры) «новый быт» трансформируется в бедный. Ни столовая, ни детский сад не исправят того, что, предлагая большую степень комфорта и новые социальные практики вроде детского садика, новые дома уже не предполагали, что мерой архитектуры будут повседневные потребности жильцов.

«Мне казалось, мы попали во дворцовый зал», — описал один из проживавших в 1980-е годы в комплексе свои впечатления от посещения F-ячейки еще ребенком в конце 1960-х. Залитое светом пространство, необычные планировка и пропорции, как и история комплекса стали богатством его жителей. Расположение на улице Малышева — в центре города, история коммунальных квартир, уплотненного заселения, пафос планировавшихся социальных преобразований, бытовые условия, требующие сноровки, — те, кто описывал свою жизнь в комплексе в 1980–1990-е годы в отличие от Лиды Одинцовой акцентировали то удовольствие проживания в комплексе, которое можно было бы описать как жизнь в условиях адаптации. Те, кто застал расселение коммуналок и с кем в эти дома вернулся частный быт в отдельных квартирах, что-то переделывали и мастерили в своих квартирах, обнаруживали под слоями штукатурки и обоев следы прошлого. Это рассказанное в ряде интервью с бывшими и нынешними жильцами переживание фактуры комплекса, и как буквальной материальной его структуры, и как истории приспособлений к архитектуре, возвращает к переживанию бедности вещей в кадрах хроники 1933 года.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

4.

В книге «Жилище» Моисей Гинзбург писал: «Несколько особняком стоит Япония, которой удалось поднять культуру жилища на исключительную высоту. <...> Японское жилище прежде всего служит для жилья. <...> Японское жилище – для человека, для длительных удовлетворений его жилищных потребностей. В нем очень мало предметов и вещей. Оно просто и лаконично. Оно изолирует от внешнего пространства и одновременно реально связывает с ним человека, потому что границы этого жилища легки и подвижны» [1, с. 24].

И чуть дальше после описания «жилья-минимума»: «Еще более, нежели социальная структура европейского жилья, поучительны и заслуживают всяческого изучения и использования вопросы качества всех отдельных деталей жилья, которые являются отражением большой жилищной культуры, сумевшей вызвать появление соответствующих отраслей индустрии, обслуживающих новое жилье» [1, с. 40]. Выбор красок, обоев, мебели, тканей в СССР был настолько ограничен, что приметой нового быта стала нехватка и бедность вещей и материалов от этапа строительства до этапа обживания.

Акцентирование внимания на достоинствах японского жилища позволяет уяснить характеристики этой бедности и сместить внимание с количества и доступности материалов и предметов быта на их эстетические и символические качества. Большой интерес к японскому быту в современной России можно рассмотреть как следствие тоски по быту, укорененному в традиции, по наполненной смыслами повседневной жизни. Их сконструированные традиции представляются уходящими вглубь веков практиками современной жизни. Кимоно и сарафан, оригами и писанки располагаются словно бы в двух разных пространствах: повседневности и стилизации. Мы и сегодня, как Моисей Гинзбург десятилетия назад, заморожены картинами японской повседневной жизни, игнорируя особенности социальной структуры японского общества и глубокие различия наших культур. Фраза «жилище для жилья» может быть прочитана не как тавтологичная, а как выражающая стремление найти такой тип культуры жилища, в котором будет соблюден баланс интересов повседневной жизни человека и социально-политической программы, интересы повседневной жизни будут важнее универсальных идеологических схем. Одновременно это желание такого типа жилья, в котором человек чувствовал бы себя свободным от вещей и границ между личным пространством и общественным. Но оказалось, что человек в форме в своем доме может только разбирать и чистить револьвер, а распахнутые в коммунальный быт F-ячейки становятся пространствами озабоченности вещами и границами. Дома нового быта отказали своим жителям в свободе от социальных ролей и статусов. Неважно, как много новых вещей могло бы заполнить квартиры и комнаты в конструктивистских домах: там где жилье служит не только для жилья, споры об архитектуре разбиваются о несовершенные строительные технологии, нехватку материалов и внимание к фасадам, а частная жизнь контролируется как публичная или разворачивается в коммунальном пространстве, бедность вещей и интерьеров только мера нехватки личной свободы и так и не воплощенного социального равенства.

Библиография

1. Гинзбург М. Я. Жилище. Опыт пятилетней работы над проблемой жилища. — М.: Госстройиздат, 1934. — 192 с.
2. Ле Корбюзье. Архитектура XX века / перевод с французского; сост. М. В. Толмачев. 2-ое изд. — М.:

Прогресс, 1977. — 300 с.

3. Никонов Н. Весталка // Никонов Н. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2007.

4. Утехин И. Очерки коммунального быта. — М.: ОГИ, 2001.— 274 с., ил.

References

1. Ginzburg M. Ia. Zhilishche. Opyt piatiletnei raboty nad problemoi zhilishcha. — М.:Gosstroizdat, 1934. — 192 s.

2. Le Korbiuz'e. Arkhitektura XX veka / perevod s frantsuzskogo; sost. M. V. Tolmachev. 2-oe izd. — М.: Progress, 1977. — 300 s.

3. Nikonov N. Vestalka // Nikonov N. Sobranie sochinenii: v 9 t. Т. 7. — Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 2007.

4. Utekhin I. Ocherki kommunal'nogo byta. — М.: ОГИ, 2001.— 274 s., il.